

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 №1

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

Светлана Шемена

Когда киты пели

повесть

Светлана Сергеевна Шемена

Когда киты пели

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67723130

SelfPub; 2022

Аннотация

Жизнь в крошечной деревне на северном острове не меняется столетиями. Это край суровых ветров и рыбаков, закаленных штормами. Но вот только Натан совсем не похож на остальных обитателей, из-за глухоты в его мире постоянно царит тишина. Мальчик мечтает о подвигах и героических свершениях, но как быть, если никто не воспринимает тебя всерьёз? Как найти своё место в мире, который разговаривает на другом языке? Как доказать окружающим, что «другой» не значит хуже? Всё меняется, когда ночью до Натана вдруг доносится таинственный Звук! Как такое возможно? Что это сон или голос чудовища морских глубин, зовущий Натана на встречу приключениям?

Содержание

В начале	6
1	15
2	31
3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Светлана Шемена

Когда киты пели

Посвящается ABC, единственному и неповторимому

В начале

По вечерам, когда начинали сгущаться сумерки, всех детей звали домой, а они, услышав каждый свое имя, бежали по траве обратно в поселок. Смеялись, пихались, спорили и обещали друг другу обязательно встретиться завтра, чтобы доиграть все брошенные наспех игры. Звать выходили всех, но не Натана. Да и смысл? Все равно не услышит. Натан знал, что возвращаться домой нужно тогда, когда короткая толстая стрелка встанет на восемь, а тоненькая и длинная – на двенадцать. Ровно восемь вечера, время ужина. Темнело в этих краях очень поздно, особенно летом, и не по-настоящему. Солнце до конца не закатывалось за горизонт, так и блесело до самого утра, а потом снова взлетало высоко в небо.

К вечеру птицы начинали петь только громче, слетались обратно в стаи и, может, делились новостями: где жуки потолще, хищников поменьше и охотники не такие внимательные. Пения птиц Натан уже не помнил, точнее, и помнил, и не помнил одновременно. Где-то в глубинах памяти, в самых недрах, еще жили отголоски воробьиного чирикания и уханье совы, но с каждым днем блекли все сильнее, как выцветают на солнце застиранные ситцевые скатерти, которые бабушки вывешивала сушиться.

Созывали всех по домам громко, что есть мочи, чтобы услышали даже те, кто не послушался и убежал гулять в поле

по ту сторону реки. Откуда Натан знал? Женщины выходили на крыльцо, вытирали руки о передник и складывали руки рупором у рта. Должно было получиться громко. Но до Натана докричаться они не могли.

Стрелка только коснулась двенадцати, и он спешно собрал вещи обратно в рюкзак. Ему строго-настрого запрещено было опаздывать. Главное правило, почти единственное. Опаздывать и еще одному ходить на утес у маяка, в остальном что душа пожелает. Десять. Двенадцать. Два. Четыре. Шесть. Восемь. Ровно в это назначенное время Натану необходимо было возвращаться домой и докладывать маме, что ничего плохо с ним не успело произойти. Иначе беда. Скандал. Мама очень переживала, что с ним что-нибудь случится. Упадет с дерева, утонет в болоте, сломает ногу, а то и чего похуже. Глухой ребенок не сможет позвать на помощь.

Кажется, оглох Натан в один или два года. Корь. Заметили слишком поздно, а когда заметили, нужно было везти в больницу на Большую землю к настоящим серьезным докторам. Зима в тот год выдалась холодная и особенно снежная, из-за сильных штормов паром ходил только раз в неделю, по четвергам. Родителям пришлось ждать, а когда дождались, Натан уже совсем ничего не слышал. Врач сказал, что у него глубокая степень тугоухости, вряд ли это могло означать нечто хорошее. Натан был достаточно маленьким, чтобы не помнить жара, красных пятен и боли, но достаточно большим, чтобы помнить, каково это – слышать.

Иногда по ночам ему снились мамины колыбельные, ее мелодичный голос и тягучие слова, он помнил, что пела она очень красиво. Вот и сейчас мама стояла в дверях летней кухни и вглядывалась в даль, на переносице, прямо между бровей, пролегла глубокая морщинка. Она что-то коротко ответила соседке на другой стороне улицы, но Натан не успел прочесть по губам, чтение по губам вообще давалось ему с трудом. Часто он ошибался, поэтому в какой-то момент решил просто не обращать внимания.

Он помахал маме рукой, и та ответила широкой улыбкой. На лбу виднелись белые разводы – следы муки, а это значило, что на ужин его ждали горячий хлеб и уха. Когда живешь на острове, вообще привыкаешь все есть из рыбы: и котлеты, и жаркое, и суп, и даже пироги. «Голодным никогда не останешься, море всегда прокормит», – любил говорить отец.

– Как день прошел, хорошо? – Мамины руки замелькали в воздухе.

– Наверное, хорошо. – Натан пожал плечами.

– Садись скорее за стол, все стынет. Поешь и обязательно расскажешь, что сегодня было.

От тарелки поднимался пар, пахло лавровым листом и селедкой, на ломте горячего хлеба золотистой лужицей растеклось масло. Натан был очень голоден, но старался есть как можно медленнее. Откусывал по крошечному кусочку, подолгу дул на ложку, изображал, что обжег язык. Мама вставала рано, чтобы на заре начать работу по дому, поэтому

и отдыхать всегда уходила рано. Натан очень надеялся, что спать она отправится прежде, чем он закончит.

– Котенок мой, – она ласково потрепала мальчика по волосам, – я уже с ног валюсь, тяжелый был день. А ты мне про свой расскажешь завтра, договорились? – В ответ он кивнул и улыбнулся, а мама послала ему воздушный поцелуй.

Мама выглядела очень уставшей, и именно сегодня ему так не хотелось ее расстраивать. Она часто выглядела печальной, ее выдавали огромные карие глаза. Она, конечно, всегда улыбалась, но он-то видел. Натан не слышал родительских разговоров в спальне по вечерам, обязательно шепотом, на всякий случай, не слышал он и соседских сплетен, да ему и не нужно было, многие вещи не скрыть, как ни старайся. Никто особо и не старался.

Натан аккуратно помыл тарелку, стер со столешницы крошки и разложил белые листы. Сегодня он увидел в роще такую красивую бабочку, белую, с черными прожилками, с парой торчащих «хвостиков», – огромную, одно крыло в размахе было длиною с его большой палец! Дома он специально нашел линейку и произвел замер – 7 см. Он часто гулял в лесу, но такую заметил впервые, может, раньше она никогда и не жила на острове? Могут ли бабочки перелетать через море? Натан решил, что обязательно спросит отца, когда тот вернется домой со службы.

Натан заточил карандаш и принялся рисовать, набросок необходимо было сделать по свежим следам, конечно, так

красиво, как в первый раз, у него уже не получится, днем он рисовал с натуры. А теперь ни бабочки, ни наброска. Мальчик грустно вздохнул и почувствовал, как что-то коснулось колена. Пухля всегда приходила успокаивать Натана, когда тот печалился, стоило лишь вздохнуть или пустить крошечную слезинку. Кошка терлась о ноги пушистыми меховыми боками, запрыгивала на колени, сворачивалась клубочком и мурчала. Натан чувствовал, как от нее расходится мягкая ритмичная вибрация. С Пухлей обиды переживались проще.

Отец вернулся с маяка через пару часов, Натан ощутил хлопок входной двери кожей, половицы зашевелились под весом тяжелых сапог. Он вошел в кухню и помахал руками, чтобы привлечь к себе внимание сына, раньше у него была привычка подходить без предупреждения, Натан сильно пугался, особенно когда был маленьким. Позже мальчик научился «прислушиваться» к языку, понятному лишь ему одному, – к тончайшим колебаниям воздуха, вибрациям поверхностей.

Отец был явно не в духе. Даже не переодевшись, он резкими движениями стал накладывать себе ужин. Натан заметил, как подпрыгивали чашки и банки у раковины, но решил не поднимать глаз от рисунка. Отец сел напротив и дважды постучал ребром ладони по подбородку, затем ткнул пальцем себе в грудь и показал на Натана. Этот жест означал: «Нам с тобой нужно поговорить». Мальчик отложил карандаш, а кошка лениво потянулась, не желая покидать нагретое ме-

сто.

– На меня только что накричал один из местных отдыхающих, Натан. Накричал, понимаешь? – Тот лишь покачал головой.

– Он очень громко разговаривал очень близко от меня, и мне было очень сильно неприятно. – Мальчик поежился. – Я староста, Натан, смотритель маяка, а какой-то турист при всех соседях кричит, что мой сын хулиган и негодяй. Правда, что ты ударил его сына? – Натан выставил перед собой две раскрытые ладони.

– Ты его толкнул?

– Да.

– Почему?

На самом деле отец хотел сказать: «Почему нельзя было договориться по-человечески, а не размахивать кулаками?», но вовремя взял себя в руки. Он и так прекрасно знал ответ. Его сын просто не мог поговорить с другими детьми на понятном им языке. Местных ребятишек на острове осталось немного, по пальцам одной руки пересчитать, и с Натаном они заняли позицию подчеркнутого нейтралитета. Мы тебя не трогаем – а ты нас. Так и жили. Туристы – другое дело, никогда не знаешь, чего от них ждать.

– Натан, почему? Он напал, а ты защищался? – Мальчик покачал головой. – Ты ударил первым? – Натан опустил глаза, но чувствовал на себе пристальный взгляд отца, от разговора было не отвертеться. – Я повторяю, ты ударил первым?

– Да. – За густой бородой лицо Ноя казалось невозмутимым, но мальчик видел, как расширялись его ноздри и как глубоко он старался дышать, чтобы успокоиться.

– Это уже не впервые, Натан. Что вы сегодня не поделили? Игрушку? Кто-то дразнился? Нельзя же каждый раз драться.

– Он убил бабочку! – Отец замешкался. – Вот, смотри! – Натан протянул ему свой рисунок, копия выглядела в разы хуже оригинала, он был абсолютно уверен, что напутал узор крыльев, особенно внизу, где начинались красные кругляшки.

Мужчина аккуратно взял листок и поднес поближе к глазам, суровое лицо немного смягчилось, а уголки губ приподнялись в еле заметной улыбке.

– Это махаон, следи внимательно: М-А-Х-А-О-Н. – Отец медленно складывал пальцы в значки букв, чтобы сын мог выучить новое слово. – Запомнил?

– М-А-Х-А-А-Н?

– Почти, давай тебе запишу тут с краю, можно? – Натан кивнул, под рисунком отец аккуратно вывел название бабочки, у него был почти каллиграфический почерк. – Редкая бабочка, я таких встречал лишь пару штук за всю жизнь. Где вы ее не поделили?

– После обеда я пошел к ручью в березовую рощу, она там сидела прямо на цветке. Я решил ее нарисовать, а потом пришел тот мальчик и убил ее, ударил большой палкой. Крылья сломались и...

Натан почувствовал, что вот-вот расплчется, в горле появился предательский ком, а глаза защипало. Пухля при- встала и потерлась о его подбородок. При отце плакать все- гда было стыдно. Он был большим и сильным, управлял це- лым маяком и спасал корабли в шторм, а тут всего лишь ка- кая-то жалкая бабочка...

– Я не хотел драться, но он убил бабочку и потом порвал мой рисунок. А ребята вокруг все смеялись, и... я рассер- дился и со всей силы толкнул его. Он споткнулся о корень и упал прямо в ручей, потом кричал что-то, а потом убежал. – Кошка уселась поудобнее и стала «маршировать» на коленях мальчика.

– Я не сержусь, я тебя люблю. – Отец сложил ладони на сердце.

– Сначала ты сердился.

– Сначала сердился и был не прав. – Он встал и обнял сына за плечи. – Теперь я знаю, что мой сын не хулиган, а просто защищает тех, кто слабее и не может постоять за себя.

– Защищать бабочку было глупо.

– Нет, это было смело. Я видел парнишку, он выше тебя на голову! А трус еще тот, увидел, что ты не промах, и пошел на попятную.

– У тебя будут проблемы?

– Нет, это у них будут. Ты же знаешь туристов, приезжают сюда на лето и думают, что весь мир им теперь обязан! Но я не позволю жить на моей земле и над ней издеваться. Завтра

все им скажу. Иди спать, хорошо?

– А мама?

– И мама пусть спит, ничего ей не скажем, зачем волновать из-за ерунды. Разве что я между делом упомяну, что сын у нее смельчак. – Отец засмеялся в кудрявую черную бороду.

Спал Натан крепко. Под боком, свернувшись калачиком, спала кошка. А снились ему мамины песни и невесомые, прозрачные бабочки, порхающие в облаках.

1

Никто уже и не помнил, как давно появилась здесь деревня, обдуваемая северными ветрами. Одно знали точно – давно. Когда-то остров был диким и неухоженным клочком земли в холодном море, но вот однажды приплыли на него рыбаки. Случайно, просто спасались от разыгравшейся бури. Было это лет триста назад, а может, и раньше. Приплыли и остались, построили крепкие дома из бруса и камня, поставили ловушки, раскинули сети и стали жить бок о бок с неприветливым новым миром.

Деревня росла и в лучшие дни насчитывала несколько тысяч дворов. Люди ловили рыбу и торговали с Большой землей, на высоком утесе даже возвели полосатый красно-белый маяк, стал курсировать паром. А потом на материке построили первый завод и спустили на воду первый траулер. Рыбаки к произошедшему отнеслись с опаской, но пока еще никто всерьез не верил, что такие машины способны заменить натруженные человеческие руки, лично осматривавшие каждую рыбешку. Но траулер закинул свои сети и поднял из глубин 60 тонн улова, а затем еще столько же, да еще больше. Рыбаки пожали плечами, подождали еще пару лет и свернули свои снасти. Кто-то бросил все как есть и перебрался ближе к большому городу, а кто-то аккуратно разобрал все до досточки, до последнего гвоздя и уплыл туда, куда заводы

еще не успели добраться.

Натан любил слушать про историю острова. Здесь он родился и прожил свои недолгие десять лет. А на материке бывал всего однажды, если не считать случая с врачом: отец взял его с собой, когда поехал на повышение квалификации. Но случай тогда произошел не очень веселый – Натан потерялся, причем почти сразу же, как они сошли с парома на пристань, его закрутила пестрая толпа, растекающаяся во всех направлениях одновременно. Толчок. Толчок. Мальчик споткнулся, остановился, чтобы завязать шнурок, поймал взглядом спину отца и долго шел за ней. Потом спина обернулась, и ее владельцем оказался совсем не отец, а высокий мужчина в черных очках. Испугаться Натан не успел, победило любопытство. Еще ни разу он не видел столько лиц, столько красок! Нос не мог справиться с обилием запахов. Солярка, рыба, табак, соль, кофе, сладковатые женские духи и терпкий мужской одеколон. Он восторженно оглядывался по сторонам и просто шел куда глаза глядят. Отец пропажу обнаружил не сразу, а когда понял, что сын не идет следом, схватился за голову. Рубашка за секунду пропиталась липким холодным потом. Натану лишь вчера исполнилось пять. Он еще не умел ни читать, ни писать, а прохожие на улице вряд ли владели языком жестов. И когда Ной думал, что вот-вот сойдет с ума, в толпе мелькнула знакомая макушка – большой цветастый помпон на шапке. Он побежал со всех ног и поймал сына за рукав прямо у входа в метро. Натан в

ответ лишь широко улыбался и вертел своими крохотными ладошками. Счастье. Этот жест означал счастье.

Малыша решили не ругать, но мама все-таки одела ему на руку его первые часы и предложила вместе сыграть в одну очень интересную игру.

– Когда стрелочки коснутся этих цифр, тебе нужно быстро-быстро вернуться обратно домой, договорились?

Конечно, Натан согласился, все это очень напоминало истории про приключения, которые отец рассказывал ему перед сном. Карты, компасы, секретные задания. Вообще Натан не знал, настоящая ли это игра и играют ли в нее другие дети. Спросить было тоже не у кого – кругом одни взрослые, а уж они-то всегда друг друга поддерживают, стовариваются, думают, что он не догадывается, раз маленький.

На острове ровесников мальчика почти не осталось, а старшим детям и дела не было до малышни – свои заботы и разговоры, скучно. Ребятишки приезжали на остров только летом, на каникулы, в основном туристы-отдыхающие. Вскоре Натан заметил, что больше про игру с часами никто не знал, но продолжал играть, чтобы не расстраивать маму.

Начиная с середины июня паром привозил целые семьи, которые снимали дачи на опушке леса. Их хозяева давно уже жили в городе и на родную землю никогда не возвращались. Большую часть года домики пустовали, а ближе к сезону Ной и другие мужчины с деревни за небольшую плату чинили то, что успело прохудиться. Тут крыша потекла – надо латать,

там двери скрепят – значит, нужно смазывать петли, забор покосился – нужно ставить новый.

Благодаря туристам остров оживал и походил на муравейник. Люди сновали туда-сюда, постоянно фотографировались, задавали вопросы и готовы были платить неплохие деньги за домашнее молоко, сыр, сметану и другие, как их называли, экопродукты. Летний заработок помогал жителям кормиться, если и не всю зиму, то не пропасть в самые суровые месяцы.

Больше всех дачникам радовался дядюшка Авраам, он жил один-одинешенек последние пять лет, как не стало жены. После смерти тетушки Майи весь остров будто бы осиротел. Сыновья, внуки и даже правнуки – все обитали на Большой земле и приезжали редко. Авраам понимал – дела, работа, учеба, а путь неблизкий. Когда-то он выстроил на холме просторный трехэтажный дом (родовое гнездо, как он любил поговаривать), въехал туда с молодой супругой и родил тринадцать детей. Только ни рыбалка, ни охота, ни свежий лесной воздух не пришлись никому из них по душе. Они отучились и стали архитекторами, инженерами, программистами.

«Все чертят, на кнопки жмут да бумажки перекладывают, – поговаривал Авраам, – настоящим мужским делом никто не занят».

Нет, он любил сыновей и мог каждому встречному все уши прожужжать об их успехах и достижениях, но глубоко в сердце старика все-таки крылась обида, что сложилось все

не так, как он по молодости мечтал.

Родовое гнездо постепенно стало тяготить дядюшку Авраама, но он категорически отказывался унывать, а вместо этого взял инструменты и построил во дворе рядом с баней крохотную избушку, туда и перебрался со всеми вещами. А Дом отдыха «Родовое гнездо» теперь радушно и со всеми удобствами сдавался туристам. Приезжие всегда собирались на паром в спешке и постоянно что-то забывали; так у дядюшки Авраама уже подобралась неплохая коллекция «потеряшек»: полотенца, книги, халаты, волейбольные мячи, воланчики и ракетки для бадминтона. Иногда туристы привозили хозяину дома разные безделицы – сувениры, монетки из далеких стран, магниты на холодильник.

Натан обожал приходить в гости к дядюшке Аврааму, тот всегда принимал его очень тепло, водил экскурсии по своему музею и к тому же немного знал и понимал язык жестов.

Вот и этим утром Натан проснулся с мыслью, что после завтрака нужно первым делом бежать до дядюшки. Накануне тот обмолвился, что привезли ему нечто такое, о чем мальчик никогда в своей жизни «не слышал»! Любопытство съедало Натана изнутри. Вот только планы могли и не осуществиться. Родители ругались. «Громко». Натан чувствовал колебания воздуха. Он очень надеялся, что нашлась какая-то другая причина, но был почти уверен, что это из-за его вчерашней драки. Хотя один толчок и дракой назвать можно только с натяжкой, по-настоящему дерутся до крови.

Натан видел, как собаки дрались с волками, когда защищали стада жалобно блеющих овец; видел, как по весне делили территорию местные коты – кричали что есть сил, а потом вцеплялись друг в друга, так что по улицам пух летел. Поэтому один толчок дракой точно не мог считаться. К сожалению, не все с выводом мальчика были готовы согласиться.

Когда Натан умылся и пришел на кухню, родители уже молчали и каждый занимался своим делом – папа пил чай из пузатой эмалированной кружки, а мама вымешивала тесто. На подоконнике стояло пять буханок хлеба, прикрытых вафельным полотенцем, а в печи поднимался пышный каравай. Мама любила печь хлеб, готовить закваску и искать новые рецепты. Летом она всегда пекла на продажу, не успевала доставать хлеб, как его уже раскупали. Еще яйца. Для хлеба нужно было много яиц, здесь начиналась зона ответственности Натана. Уговор с мамой был таков: проснись пораньше, собери все яйца и иди гуляй и, конечно, не забывай следить за стрелками на часах.

На столе уже стояла плетеная корзина, выстланная махровым полотенцем, и две решетки для яиц, каждая на тридцать ячеек.

– Доброе утро, мой хороший. – Мама коснулась подбородка пальцами правой руки, этот жест означал «хорошо» или «добро», так она приветствовала его каждое утро. – Курицы тебя заждались, беги быстрее!

Натан кивнул и подхватил корзину, попутно перед выхо-

дом поцеловав отца в щеку. В курятнике было темно и пахло, свет просачивался тонкими струйками через зазоры между досок. До холодов отец возьмет герметик и заделает их, он принес домой несколько огромных рулонов утеплителя, чтобы кормилицы, так отец звал кур, не замерзли зимой.

Натану нравилось проводить время с несушками, они ему доверяли и никогда не клевали. Мама купила на рынке несколько пород, у одних перья напоминали шерсть, пушились и топорщились в разные стороны, у других, напротив, оставались гладко прилизанными и блестели, будто вошечные, и слегка отливали синевой, а у третьих из-под клюва свисали бородки, а хвост тянулся шлейфом. Они выглядели горделиво и величественнее прочих. Были ещё, конечно, и самые обычные деревенские пеструшки. Несмотря на совсем невзрачный вид, они себя ущемлёнными никак не чувствовали. Мало болели и никому не давались в обиду. В теплых углублениях в соломе Натан нащупывал яйца, крупные, гладкие, они напоминали речные окатыши – коричневые, бежевые в крапинку, голубые и розоватые. В некоторых встречалось по два, а то и по три желтка!

– Маловато сегодня, – мама аккуратно пересчитала добычу мальчика, – всего сорок шесть. Ни грозы ночью, ни ветра, пугаться нечего, почему вредничают?

– Потому что породистые, знают себе цену, нос от еды воротят. Обычные дворовые неслись бы и неслись, не остановить. – Отец отложил газету. – Пойду погляжу, чем их хоро-

мы не устроили, может, крыша где-то бежит.

– А я? – Натан замер у входной двери.

– Беги, беги.

И он побежал, оставляя после себя только клубы пыли, из-под кроссовок вылетал гравий, ветер обдувал лицо, а Натан только и мог думать о том, что же сказочного припас для него дядюшка Авраам.

– Вот, – дядюшка Авраам светился от гордости, – знаешь, что это?

Натан озадаченно помотал головой и протянул руку к свертку.

– Трогай, не бойся, – старик засмеялся и положил ладонь мальчика сверху.

В полотенце лежали три желто-оранжевых шарика, с виду они походили на яблоки, но на ощупь были очень мягкими и бархатистыми.

– Что это? – Мальчик ткнул в них пальцем и потряс ладонями перед собой.

– Фрукт. – Дядюшка Авраам сложил вместе указательный и большой пальцы и поднес ко рту, накануне он выучил этот жест специально для Натана.

– Фрукт, – повторил Натан, – я знаю фрукты. Это не яблоко.

– Не яблоко, это пдсик. – Старик не знал, есть ли для персика свой собственный символ, и решил показать его по буквам.

– П-Д-С-И-К? – Повторил Натан. – Откуда он?

– Турист привез из теплых стран. Попробуй. – Он протянул мальчику тот, что был с покрасневшим бочком.

– Пдсик, – еще раз повторил Натан и поднес фрукт ко рту, щетинки кольнули губы, а по подбородку полился сладкий липкий сок.

– Вкусно?

Мальчик радостно закивал. Натан был твердо уверен, что отныне теперь именно пдсик – его любимый фрукт.

– Держи, дарю, – дядюшка протянул ему сверток, – дома скушаешь и родителей угостишь.

Домой Натан бежал быстрее, чем в родовое гнездо дядюшки Авраама, ускорения добавляло еще и то, что тропа шла под гору. Он ворвался в кухню, подобно урагану, и застал отца ковыряющимся отверткой в большой металлической коробке. Он часто приносил домой на починку механизмы с метеостанции, если они выходили из строя.

– Смотри! – От нетерпения Натан запрыгал на месте, на стол выкатились слегка помятые желтые мячики.

– Персики? Где взял?

– Нет, нет, пдсики! – Заулыбался мальчик. – Дядя Авраам подарил!

Отец сперва нахмурился, а потом хохотнул.

– Пдсики, значит, хорошо. Когда пойдешь к нему в гости в следующий раз, захвати свой букварь, ладно? Пусть старик на досуге буквы подучит. Но пдсики так пдсики, мы теперь их только так и будем звать. Положи на подоконник, после ужина съедим.

– А ты раньше такие ел?

– Ел, когда учился в городе в институте, продавали на рынке всякую всячину и персики тоже. Вкусные были. А сейчас следи за мной: П-Е-Р-С-И-К. Шутки шутками, а выучить нужно правильно, переучивать тебя потом сложнее. – Натан кивнул и несколько раз повторил слово самостоятельно.

– Там внутри большая косточка, если посажу, прорастет?

– Сомневаюсь, холодно у нас слишком, но если попытаться хочешь – сажай, поставим эксперимент. Садовый инвентарь весь в сарае.

– А представляешь, если получится? Будем тогда пдсики, то есть персики, каждый день есть! Здорово, правда?

– Здорово. – Энтузиазм сына всегда вдохновлял Ноя, он тоже хотел бы всем сердцем продолжать верить в чудеса.

Дверь хлопнула, и в дом вошла мама. Натан заметил, что у нее блестели глаза, а кончик носа порозовел. Он понимал, что это значило – она точно из-за чего-то плакала.

– Никто больше не купит наш хлеб! – Аврора сняла с плеч рюкзак и расстегнула молнию, в основном отделении лежало четыре буханки в промасленной бумаге.

– Почему так? Хотелось бы подробностей. – Ной снова

взялся за отвёртку и принялся вкручивать мелкие болтики обратно в пазы, чтобы те никуда не закатились и не потерялись.

– Ах, подробностей! Вот тебе подробности! Дачники с пятой улицы сказали, что раз наш сын бьет их детей, то они отказываются хоть что-либо у нас покупать! Даже совет свой провели!

– «Совет» – звучит серьезно, спору нет, давай и мы свой проведём, решим что-нибудь важное.

– Ной, вот не смешно, ей-богу. Тебе лишь бы шутки шутить. – Аврора шмыгнула носом и достала из переднего кармашка платок.

– Уж лучше шутить, чем слёзы ронять, дорогая. Это туристы, чего с них взять? Любят цену себе понабивать, все им не так да не эдак. Помнишь, в прошлом году один чудак вой поднял, что дорожки не чищены... в лесу?

Аврора притихла и взглянула на сына, тот сидел по другую сторону стола и старался улавливать шевеления губ, но совсем не понимал, что происходит.

– А как же то, что они сказали про Натана? Что он часто дерётся, бьет других детей?

– Бьет, говоришь. – Ной нахмурил брови. – Натан, ты еще с кем-нибудь из приезжих дрался?

– Нет, только с тем, что бабочку убил. А сегодня я даже никого из детей и не видел. Только на холме в «Гнезде» был, честно.

– Тебе я верю, пойдём, сын, – он приобнял мальчика за плечо, – покажу, как вести настоящий мужской разговор. Пошли на Пятую улицу.

Натан никогда раньше не вел мужских разговоров и не был уверен, как именно они ведутся. Отец всегда был против насилия, так что вряд ли он намеревался пускать в ход кулаки, ведь именно из-за одной жалкой драки Натан и попал в переplet. И ведь даже драки нормальной не было – толкнул разок, и все. Драться Натан не любил, отец учил, что умные люди всегда договорятся, но так ли в действительности много умных людей жило вокруг? Было кое-что, о чем мальчик очень сильно жалел, но не признавался вслух, – знай он, что приезжий поднимет такой шум из-за ерунды, то врезал бы тогда ему как следует, чтобы на самом деле было из-за чего поплакать.

По дороге на мужской разговор они зашли к соседям и прихватили с собой дядюшку Кая и Стефана, они с отцом выросли вместе и крепко дружили, они были из тех немногих, кто жил на острове круглый год.

Подойдя к даче, отец пригладил волосы, прокашлялся и сильно постучал в дверь, так что доски заходили ходуном, ему открыл высокий мужчина в очках и линялых джинсах, из-за его спины выглядывала женщина в цветастом платье.

– День добрый, меня зовут Ной, я староста в этой деревне. Поговаривают, у наших сыновей тут какой-то конфликт вчера произошел. Хотелось бы во всей ситуации разобраться.

– Да, – мужчина немного растерялся и очень неуверенно пожал Ною руку, – конфликт.

– Раз есть конфликт, надо уладить. Мы здесь мирно друг с другом живем.

– Ваш сын агрессивный и бьет других детей! – Женщина привстала на цыпочки, но не стала выходить вперед.

– Больно слышать, я за справедливость. – Ной с досадой покачал головой и достал из кармана блокнот и ручку. – Давайте список пострадавших составим. Сына позовите, если можно.

Мальчишка, видимо, подслушивал разговор взрослых, потому что сразу же вынырнул из-за угла. Рослый, загорелый, на вид ему было около тринадцати.

– Говорят, мой сын тебя побил. – Ной подтолкнул Натана вперед, на фоне приезжего тот выглядел мелким и щуплым, примерно на полторы головы пониже. – Расскажи, как дело было? Кого еще он тут обидел?

Натан вертел головой, чтобы уловить хоть какие-то движения губ отца или людей на пороге, но видел лишь отдельные слоги да обрывки фраз.

– Он толкнул меня! – Мальчик вышел вперед и ткнул в Натана пальцем.

Ной послушно записал «толкнул» в свой блокнот.

– Дальше?

Приезжий молчал.

– Дальше было что-то?

– Я убежал.

– А драка когда случилась, после?

– Это все. – Мальчишка потупил взгляд и сделал шаг назад.

– Все? Мне такого наговорили, что у вас у ручья целое побоище произошло, кровавое избиение. Следующего кого толкнули? – Мальчик молчал, и мужчина в очках положил руку ему на плечо.

– Никого.

– Никого, – старательно вывел Ной, – а где же обещанные жертвы? Из-за чего сыр-бор?

Женщина вышла на крыльцо и уперла руки в бока.

– Мы в нашей семье не терпим насилия! Если он у вас дикий, то...

Ной снова прокашлялся, и она резко замолчала.

– Мы здесь тоже не терпим насилия, уважаемая, вообще никакого. Весь остров, что вы видите, наша семья. Мы здесь живем бок о бок друг с другом и с природой. Не терпим сплетен, наветов, когда обижают слабых ради забавы. – При этих словах Ной пристально посмотрел на мальчишку, тот еще ближе прижался к отцу. – Мой сын поступил неверно, сторяча, и он извинится.

Ной подтолкнул Натана вперед, мальчик выставил вперед

открытую левую ладонь и провел по ней правой.

– Этот жест значит «извините», – перевел Ной. – Как видите, мой сын отвечает за свои поступки, и он прекрасно излагает свои мысли, но не словами, он разговаривает иначе. Остров – наш дом, здесь мы следим за порядком. Вместе с мужчинами за моей спиной мы состоим в добровольческой бригаде, и если из-за кого-то земля начинает слухами полниться, без внимания мы это тоже не оставляем. Вы, господа, приехали в семью, привыкайте, что в каждой семье свой устав.

Дачник сглотнул и протянул Ною руку, они кивнули друг другу напоследок и разошлись.

– Это и был мужской разговор, пап? – спросил Натан по дороге назад.

– Да.

– А что ты ему сказал?

– А ты не прочел?

– Нет, не смог. Не успевал.

– Вот и не беда, еще научишься. Главное, что тебя не обидят больше и хлеб тоже раскупят. А если кто-то снова станет лезть на рожон, зови меня или Стефана с Каем. Не таись.

– Знаешь, пап, я ведь не читаю по губам не потому, что глупый.

– Знаю, сынок. Ты совсем не глупый, ни я, ни мама так не думаем.

– Я, пап, не читаю, потому что не хочу... не хочу знать,

что люди обо мне говорят. Если это что-то важное – они как-нибудь покажут, а если нет... Я просто не хочу знать.

– Хорошо. – Ной поцеловал сына в макушку, и вместе они вошли в калитку дома.

2

Хлеб снова стали брать нарасхват. Может, подействовал мужской разговор, а может, люди просто поняли, что более вкусного и ароматного хлеба на острове им не найти. Натан до сих пор не знал, что же отец такого сказал дачникам, но ещё раз пообещал себе стать таким же, когда вырастет. Смелым, отважным, бесстрашным. Настоящим мужчиной, как папа! Отец отлично ладил со всеми, кого встречал, а уж он-то повидал на своем веку предостаточно людей.

Ной родился в семье рыбаков – его отец проводил на море больше времени, чем на суше, поговаривали, что ему в пору отращивать жабры да плавники, а мать оставалась на берегу и плела сети. Наверное, такой же судьбы они хотели и для сына, отсюда и имя – Ной, человек, которому по плечу построить ковчег голыми руками и пережить небывалый великий потоп. Ноя действительно заворачивали корабли, он обожал наблюдать за тем, как мужчины сколачивали лодки. Их натруженные мозолистые руки казались грубыми и неуклюжими, однако же первое впечатление было обманчивым – они поднимали брёвна, словно пушинки, ловко вытесывали из них доски, скрепляли вместе и украшали тончайшей затейливой резьбой. Ни одна лодка не спускалась на воду без своего особого узора – подписи хозяина.

Однажды еще в школе Ной спрашивал отца, зачем тратить

так много времени на красоту, если она никак не влияет на скорость, маневренность и прочность судна. Тогда он ответил: «Лодки как люди, у каждой своё лицо, своя личность; а каждый человек сотворён по образу и подобию Бога, а уж Бог Своё дело знает – ничего лишнего, все работает совершенно, не бывает, чтобы человек родился с ошибкой». Слова отца накрепко засели Ною в память, и он повторял их уже своему сыну много лет спустя: «У Бога не случается ошибок, и какое-нибудь чудо ещё обязательно произойдёт, просто нужно подождать».

Дед Ноя погиб на море, когда неожиданно разыгрался шторм, подобная участь постигла и отца. Тогда мама с бабушкой решили перебираться на Большую землю, собрали все пожитки в узел, а домишко так и бросили, покупателей не нашлось, а ждать не хотелось, слишком уж он тяготил воспоминаниями – повесили амбарный замок на дверь да заколотили окна. Назад они не оборачивались.

И Ной позабыл о море почти на десять с лишним лет, слишком суровой оказалась жизнь в городе. Море больше никого не забирало, но и не кормило, за еду приходилось бороться. Но вот учеба далась Ною на удивление легко, никто не ждал многого от парнишки с окраины мира, разгружавшего вечерами баржи, но чтобы показать еще и лучший результат в классе! Где такое видано? Мама очень гордилась, они с бабушкой твёрдо решили, что хотя бы один человек в их семье получит высшее образование и выбьется в важные

люди. Так и вышло.

Он получил диплом инженера и стал строить большие машины для метеостанции, его руки были белее и тоньше, чем у рыбаков из детских воспоминаний, но, ввинчивая каждый болтик, он верил, что они вместе делают одно общее дело. Чем точнее прогноз – тем меньше моряков погибнет от лап стихии. А когда пошёл слух, что на его родном острове решили строить свою собственную станцию и подыскивают специалистов, которые могли бы ещё и за маяком смотреть, Ной согласился не глядя.

– У этого парня ветер в голове воем да соленая вода вместе крови по венам течёт, – горько вздохнула тогда бабушка, – но ты теперь сам себе хозяин, важный человек, сам выбирай, где дальше расти.

Мама долго плакала, но удерживать не стала. Ной сыграл свадьбу, и уже на следующий день молодая семья отплыла на пароме в сторону крошечного клочка земли в бушующих волнах.

Эту историю Натан слышал уже бесчисленное количество раз и просил отца рассказывать снова и снова. Вообще даже самую простую историю он мог превратить в приключение, Натан следил за его движениями с широко открытым ртом и старался не моргать, чтобы ничего не упустить. И даже старые-престарые рассказы, которые он «слышал» уже тысячу раз, вновь звучали по-новому. И в конце каждого обязательно была мораль: не сдавайся и иди к своей мечте! Он-то уж

точно никогда не сдастся, Натан это твёрдо решил, но пока на самом деле особо и не было повода.

Если бы жизнь мальчика была книгой, то читатель уснул бы уже на первой странице. Кому захочется слушать про рыбалку, кур и рисование бабочек? Правильно, никому! Всем нравятся истории про приключения с неожиданными поворотами сюжета. Натан и сам очень много читал, особенно он любил книги про пиратов и поиск сокровищ. Там клады зарывали обязательно на островах, а все погони и сражения непременно велись на море. А еще маяки с привидениями! Натан жил там, где чисто технически могло произойти любое приключение, вот вам и остров, и море, и маяк, но все, как одно, обходило его стороной. Но на самом деле они всего лишь ждали свой черед...

До происшествия с Натаном никто на острове и знать не знал ни про язык жестов, ни про глухонемых вообще. Все здесь были мускулистые и рослые как на подбор, проблемы со слухом встречались разве что у стариков, у которых ушные перепонки уже изнашивались от соленых брызг и ледяного ветра, но никакого особого языка для них не требовалось – крикни погромче, и все. Точно такой же крик раздавался в ответ. Первое время соседи и знакомые Ноя тоже пробовали кричать, громкость нарастала и нарастала, а Натан и бровью не вёл, сидел со своими игрушками или бегал за птицами по двору. Тогда мальчишку за глаза и прозвали «блаженным», на местном говоре так называли всех не от мира сего, тех,

кто не мог работать наравне с прочими. Родителей Натана жалели, порой над ними слегка посмеивались. Ходили даже слухи и о родовом проклятье, мол, такая кара постигла их семью за то, что в свое время струсили и сбежали с острова, с родной земли, вот теперь и маются. Но так больше судачили старушки на скамейках, развлекая себя новыми толками. В деревне же просто никто особо не верил, что из Натана в жизни выйдет толк.

Но однажды из очередной командировки на материк Ной привёз очень странную книгу – в ней были нарисованы одни только руки, будто инструкция для театра теней. Когда натягивают простынь, зажигают яркую лампу и складывают из ладоней собак, крокодилов и летучих мышей, а те оживают и пляшут темными кляксами.

– Выменял в центральной библиотеке, – гордо заявил он жене, – специальная энциклопедия по языку для глухих. Представляешь, как нам повезло? Пришлось купить им взамен большой комплект мореходных карт, но за такое сокровище ничего не жалко!

Энциклопедия и правда была хорошей, яркой, наглядной. Там объяснялось, как сложить пальцы, чтобы обозначить каждую букву алфавита, как поворачивать ладони, чтобы разрозненные движения превращались в слова и целые предложения. Единственным минусом было то, что в книге не хватало страниц – она пострадала при затоплении, когда у южного корпуса библиотеки потекла крыша. Но в каждом

деле главное ведь начать, верно?

Аврора и Ной быстро усвоили новую грамоту, Натан сперва воспринял все как игру и был так счастлив, когда его наконец-то начали понимать. Больше не нужно было бежать в другую комнату и тыкать в предмет пальцем – достаточно было сложить из жестов слово! Кровать. Яблоко. Кошка.

Постепенно статус блаженного с Натана сняли, народ на острове вовсе не был жестоким, напротив, рыбаки даже стали привлекать мальчика к мелкой работенке – принеси, унеси, подай. Постепенно, благодаря Ною, жесты стали такой же неотъемлемой частью деревни, как ранний подъем, закидывание сетей и празднование фестиваля огней. Всех книжных слов мужики не знали, поэтому показывали порой кто во что горазд. Натан знал с дюжину способов показать «улов», «клев», «наживка» и с легкостью изобретал свои собственные движения.

– Не нравится мне все это. – Аврора задумчиво поглядывала в окно, а ложечка гоняла листья заварки, глухо позвякивая о стенки чашки.

– Хорошие они мужики, не переживай, в обиду никому не дадут, а что посмеиваются иногда, так это любя.

– Я не про то. – Она перевела взгляд с сына, который задорно нарезал круги по полю, на мужа. – Здесь – одно дело, а в городе, думаешь, его поймут? Там наверняка в книгах хватает страниц.

– Он не пропадет, ты погляди на него! Сколько бы в их

толстенных книгах ни было страниц, он сумеет прочесть каждую до последней закорючки, уж будь уверена. Порой мне кажется, что сможет он намного больше, чем мы с тобой.

На самом деле родители толком и не поняли, как же это произошло; произошло и все тут, как по щелчку пальцев. Однажды утром Аврора как обычно застала сына перед телевизором: он сидел, собрав под себя ноги, и увлеченно следил за происходящим на маленьком выпуклом экране. Мультки показывали ровно в восемь перед выпуском свежих новостей. Натану только исполнилось шесть, и он страстно обожал все, хоть мало-мальски связанное с гномами и другими сказочными лесными обитателями, – его ночник был в форме ежика с грибом на спине, а все пижамы должны были быть непременно с гномами, иначе спать не ложился. Вот и сейчас мальчик наблюдал за тем, как гномы с цветными бородами пели песню в мультфильме, а потом вдруг почему-то начали драться.

– Милый, – мама ласково похлопала Натана по плечу, – тебе помочь? Подсказать, о чем они говорят? – В ответ он лишь замотал головой.

– Мама, я могу сам. Там написано – вон, видишь? – Он ткнул пальчиком во всплывшее слово. – Если они говорят – я читаю. Сейчас там пузатый гном злится, потому что другие не выучили слова песни и спели очень плохо.

Субтитры. Лишь один из трех мультиков по каналу шел с субтитрами, как выяснилось позже, именно поэтому Натан и

полюбил гномов – только там он и понимал, что происходит!

Когда любопытные соседи спрашивали, какой же метод Ной с Авророй использовали, чтобы научить глухого ребёнка читать, те лишь пожимали плечами. Они и сами точно не понимали, а был ли метод. Ной всегда читал взахлеб и при любой удобной возможности привозил с Большой земли книги, увесистые энциклопедии, справочники, детективы, а когда врачи окончательно подтвердили диагноз сына, то все полки в доме стали занимать детские книжки с картинками. Каждый вечер перед сном они поудобнее устраивались в кровати и вместе читали «вслух», показывали слова жестами, а Натан изо всех сил вертел головой и поглядывал то на раскрытую страницу, то на мелькающие в воздухе руки.

Когда мальчику исполнилось семь лет, родители отвели его в школу или в то, что от нее осталось. Двухэтажный деревянный домишко хмуро поглядывал на прохожих темными квадратами окон, большая часть классов уже много лет пустовала, а если еще точнее, то заняты были лишь две комнаты справа от входа. Так проще топить. На тот момент на острове началась новая волна эмиграции, так ее прозвали местные. Зима выдалась суровой и голодной, а лето и того хуже, земля будто бы сговорилась с морем и решила не выпустить наружу ни единого зеленого росточка. Во всем винили засуху, смену климата и новый вид паразитов, перебравшийся к ним с материка. Винили всех и вся, но вот только одними лишь обвинениями никак не накормишь несколько десятков

голодных ртов. Люди стали уезжать, многие давненько уже собирались переселяться в город, но все не могли решиться – не хватало стимула, а желание выжить оказалось как раз-таки самым сильным из стимулов. Деревня потихоньку пустела, и к октябрю в ней осталось всего двенадцать ребятишек, некоторые ровесники Натана, а остальные постарше, почти подростки. Тетушке Марте было за восемьдесят, и вся школа держалась лишь на ее хрупких плечах, обернутых пуховой шалью. Ной помнил ее еще с тех пор, как сам был мальчуганом в коротких штанишках, в его детстве она преподавала литературу, правописание и природоведение. Ее историями можно было заслушаться, казалось, она знала все на свете! Высокая, статная, с городскими замашками, она приехала на остров в молодости, на практику сразу после института, и за более чем полвека ее ноги ни разу не покинули этой земли.

– Я-то возьму его, с радостью возьму, но тут понимать надо, дорогой мой, что я, может быть, и звалась однажды профессором наук, а сейчас всего лишь ветхая старушка, которая пашет и за себя, и за того парня. – Тетушка Марта подцепила с блюбочка кусочек лимона и, не поморщившись, прожевала его без сахара.

– Только и парня-то никакого нет, – ухмыльнулся Ной.

– Вот именно! Все сама, все сама. Я тебе и директор, и завуч, и весь педагогический состав. Что-нибудь придумаю, но ничего не обещаю.

– Может, пришлют кого с Большой земли?

– Новостей, гляжу, не читаешь? Закон есть теперь, что в сельские школы, где меньше ста ребятишек, уже никого давно не распределяют, только если кто сам решит приехать. С ума сойдет и решит, как я в своё время, когда юность в голову ударила.

– Но вы же еще...

– Я еще хоть куда, дорогуша, но годы, как ни банально, берут свое. Никто еще не был замечен за тем, чтобы жить вечно. Своего сорванца веди, поглядим, я ведь тоже с возрастом слегка оглохла, найдем с ним общий язык.

В первый учебный день мама одела Натана во все самое лучшее – белую накрахмаленную рубашку, при каждом движении похрустывавшую, словно корочка наста под ногами, и черные брюки со стрелками. В то самое утро ударил такой сильный мороз, что на рубашку пришлось нацепить толстый вязаный свитер, а поверх брюк – дутые ватные штаны. Для Натана школа была совсем отдельной историей, чем-то загадочным и неясным. Он понимал, что ходить в нее необходимо, но не до конца понимал, почему. Ему нравилось собирать тетради в портфель и надевать особенную форму, которую мама гладила и каждое утро вывешивала на спинку стула. Он чувствовал себя взрослым, потому что если ты взрослый, то ходишь в школу, а не играешь весь день дома с игрушками, так ведь? Вроде бы мир был устроен именно так. Еще в школе Натан чувствовал себя немного более нормальным, он сидел за партой наравне с прочими деревен-

скими детьми, никаких специальных условий. Учительница всегда разделяла ребят по комнатам. Младшие оставались в той, что служила и кабинетом, и гардеробом, хотя большую часть года школа протапливалась плохо и сидеть приходилось в куртках, чтобы совсем не околеть. Старшие занимались за стенкой, в библиотеке, с ними мисс Марта проводила куда больше времени. Она лишь изредка забегала к младшим, что-то говорила, размахивая руками, писала несколько строк задания на доске и снова убегала. Сложно было сказать, учился Натан чему-то новому или нет, возможно. Он уже знал названия всех животных и растений на острове и довольно неплохо считал, но мисс Марта все равно была им недовольна. Стабильно раз в неделю она вызывала родителей к себе на беседу.

– Опять? – Ной тяжело вздохнул и отложил записку в сторону. – Что не так в этот раз? – Натан лишь пожал плечами, он и сам хотел бы это знать. – Чем ты занимаешься на уроке?

– Учусь, наверное.

– Наверное? – Натан кивнул.

– Мисс Марта дает мне разные вопросы и говорит ответить, как я думаю. Я делаю, но ей все равно не нравится. Никогда не нравится. Других детей она иногда хвалит.

– Покажи задание. – Натан расстегнул переднее отделение рюкзака и достал лист бумаги. – Это рисунок, – Ной в недоумении уставился на сына.

– Да, рисунок, это то, что я думаю о жизни на острове.

Мне нравится здесь. Смотри, – мальчик заметно оживился и ткнул пальцем в центр, – вот я нарисовал лес, тут много ягод, грибов и животных. Вот солнце сверху. Я люблю, когда солнечно.

– А что за руки сбоку?

– Это кулаки, это слово «холодно», потому что мне нравится больше, когда холодно, а не жарко. И поэтому вот на этих деревьях нет листьев, потому что холодно, а на елках есть, они всегда зелёные. Не листья то есть, а хвоя.

– Я думаю, сынок, мисс Марта недовольна, потому что она просила тебя написать свои мысли словами, понимаешь? Как пишут в книгах. Не рисовать.

– Но она сказала совсем не так. – Натан замер, а потом недоверчиво прищурился. – Она сказала ответить, как думаешь, а я думаю так – я представляю что-то, а потом вижу картинки. Я не вижу слов, разве кто-то думает словами?

Ной улыбнулся и обнял сына.

– Все думают по-разному, мой хороший, все по-разному. Ты вот так, а я все чаще словами, представляешь? Думаю о чем-то и слышу слово у себя в голове.

– Слышишь? А кто его тебе говорит?

– Никто не говорит, я сам. Так просто разговариваешь сам с собой. Понимаешь?

– Нет... Но с картинками интереснее.

– В следующий раз, когда мисс Марта попросит тебя ответить, что думаешь, ты попробуй словами, ладно? Буквами,

будто пишешь историю.

– Будет скучно.

– Просто попробуй, школа ведь, чтобы учиться. – Ной аккуратно сложил рисунок пополам и убрал в карман.

Аргумент отца показался Натану достаточно логичным. Он старательно выводил буквы под нужным наклоном и соединял слова в предложения, учительница даже начала его хвалить. Но хватало Натана ненадолго, мальчику становилось так невыносимо тоскливо, что он снова возвращался к рисованию. Как и любой приличной старушке в крайне преклонных летах, мисс Марте было бы проще поворчать, что, мол, в наше время детишки были посмекалистей и схватывали все куда быстрее, чем нынешнее поколение, но в ней сохранилась редкая острота ума. Она решила пойти иным путем и использовать последнюю в своем арсенале уловку. Письма.

Ребятишек в первом классе было, слава богу, всего четверо, не пришлось долго думать, как же разбить их на пары.

– Письмо – задание очень ответственное, – заговорщицки произнесла мисс Марта, – вам придется побыть и исследователями, и писателями. Представьте, что вы все ученые и составляете большую энциклопедию про наш остров. Раз в месяц вы должны записать все, что узнали, и отправить самое интересное в письме своему другу.

Натан поглядывал то на учительницу, говорившую у доски, то на листок бумаги с заданием.

– Кто хочет быть в паре с Ригом?

Все, кроме Натана, подняли руки. Такие моменты мальчик особенно сильно ненавидел. Он наверняка знал ответ на вопрос, но очень сложно ответить, если совсем не понимаешь, что спрашивают.

– Томас был первым. Анна, ты с Натаном. Задержись, я вам сейчас все подробно объясню, а мальчишки могут идти.

Семья Анны тоже жила на острове поколениями и владела небольшим овцеводческим хозяйством. Девочка была далеко не робкого десятка, да и как может быть иначе, когда растешь с тремя братьями?

«Я не расстроилась, что мы в паре», – написала Анна большими печатными буквами и придвинула к Натану.

«Не люблю писать».

«Я тоже. Но я еще и читать не люблю, – девочка рассмеялась. – Можешь рисовать мне карты. Я не против».

Натан улыбнулся: может, учиться в школе все-таки будет не так уж и скучно?

Они стали писать друг другу каждую неделю, для тренировки, чтобы в конце месяца не ударить в грязь лицом, как поговаривал отец Анны. Еще он говорил, что для того, чтобы чему-то научиться, нужно на этом собаку съесть. Не по-настоящему, конечно. Он вообще часто разговаривал поговорками. Ребята сворачивали свои письма в трубочки и оставляли под крыльцом в специальной коробке из-под обуви. Сначала Натан только рисовал, но Анна его не всегда понимала,

бывало, что все ее письмо состояло из одних только вопросов. А что за зеленая стрелка? Что значит ладонь? Почему трава синяя? Натан тогда решил сменить метод и подойти к делу серьезнее, они ведь все-таки были учеными, хоть и понарошку, а у ученых всегда все должно быть точно. Так к каждому своему рисунку мальчик стал добавлять «легенду», пояснительную записку, которая с каждым разом становилась все длиннее и длиннее.

В конце учебного года тетушка Марта обещала подвести итоги и наградить самую находчивую команду исследователей особым призом. Вот только большое сердце тетушки Марты остановилось ровно в ее восемьдесят четвертый день рождения, и уже в апреле школу закрыли. Весь остров собрался, чтобы проводить Марту в последний путь. Может, она и не родилась на его берегах, но прикипела и сроднилась с ним всей душой. Земля в тот год еще не оттаяла, и похороны было решено проводить на материке. Гроб торжественно погрузили на паром, украсили цветами и лентами и отправили в последний путь со всеми почестями. Может, потому что жизнь на острове всегда была непростой – то шторма, то мор, то морозы, – у местных жителей сохранилось великое множество прощальных и поминальных традиций. Одни для рыбаков, погибших на воде, другие для стариков, проживших достойную долгую жизнь. Смерти здесь не боялись. На центральную улицу при любой погоде выносили длинный деревянный стол и накрывали вышитой скатертью. На него

люди ставили все, что могло напоминать об ушедшем, все, что он любил. В память о Марте приносили книги и картины, которые она на досуге рисовала маслом, лимоны и ее любимые пироги с грушей и корицей. О ней говорили, плакали и смеялись. А через неделю на двери школы водрузили замок: не то чтобы кто-то опасался мародеров, скорее, для жителей острова замок стал символом, что еще одна глава неизбежно подошла к концу.

3

Дорога от дома до маяка занимала около сорока минут. Тут рукой подать, поговаривали местные, и подобной величиной мерили почти любое расстояние. Тропинка начинала виться сквозь поселок, уходила через поля и рощи, пересекала ручей, а потом бежала по холмам и стремилась все выше, выше. Земля будто бы сморщивалась, собиралась в гармошку, горбилась и превращалась на северо-востоке в острые белые скалы, на которых и красовался маяк. На склонах вили гнезда птицы, а вся бухта виднелась как на ладони. Здесь море и небо сливались вместе в единое и неразделимое «далёко», синее, глубокое и необъятное.

Местами под подошвами чавкала земля, ботинки соскальзывали и съезжали вниз по камням. Ной ходил этими тропами по несколько раз в день, мог бы и с закрытыми глазами, если потребовалось. Он преодолел подъем всего за два рывка, а теперь, сощурившись, следил за маленькой фигуркой сына, суетившейся у подножия. Натан пыхтел и громко сопел, по лбу из-под кепки прямо на покрасневшие щеки струился пот. Был он не самым спортивным, что верно, то верно, но Ной старался не делать ему поблажек без пущей на то необходимости. Аврора порой перегибала палку с контролем, конечно, делала она это из лучших побуждений, из любви, материнское сердце все делает из любви. Но крохот-

ный смешливый мальчуган все больше вытягивался и превращался в тихого задумчивого юношу.

– Молодец! – Ной протянул сыну флягу с водой.

– Нет, не молодец. Слишком долго. Ты из-за меня опоздаешь. – Мальчик жадно прильнул к горлышку.

– Много не пей, тяжело будет идти. Чуть-чуть. И на месте не стой – походи кругами вокруг меня, да, вот так, дыхание восстановишь. Мы все успеем, я с запасом дорогу заложил.

Натан снял кепку, ветер трепал непослушные черные волосы. Он любил бывать здесь с отцом, просто стоять и слушать истории, грустные и веселые, все чаще грустные, суровые, как жизнь рыбаков. Приходить сюда одному было строго запрещено. Высота и скалы. Натан не боялся высоты, да и хищники крупнее лисы сюда не забредали.

– Здесь красиво, но мама говорит, это опасное место. Ты тоже так думаешь?

– Когда есть вода и камни, всякое может случиться. В шторм ветер запросто собьет с ног и повалит на самые скалы.

– В шторм везде опасно, даже дома. У дядюшки Авраама в прошлом году пробило крышу.

– Ты прав, было дело. Бог все сотворил красиво, сынок, но красота обманчива. У природы она дикая, необузданная. Осторожность не будет лишней. – Он снял рюкзак, чтобы не давил на плечи и не мешал жестикулировать. – Я рассказывал тебе, как еще мой прадед рыбачил вот на этом самом месте, в глубине бухты?

– Это когда он поймал рыбу-молот?

– Нет, – Ной рассмеялся, – то был мой отец, твой дед, но с молотом история тоже очень любопытная. Так вот, я своего прадеда никогда не видел, но по острову про него легенды ходили, старожилы их и сейчас помнят. Здоровый он был мужик, плечистый...

– Шире, чем ты?

– Шире, чем я, раза в два! Отважный, ничего не боялся, даже в бурю в море выходил. И вот однажды шторм его закрутил прямо вместе с лодкой, долго его швыряло из стороны в сторону и выбросило в итоге прямо здесь между скал. А когда стихла непогода, он в себя пришел и решил осмотреться. Лодка, конечно, в щепки, на нем самом почти ни царапины. Идет по пляжу и видит – что-то в песке белеет, думал сперва, что просто камня кусок откололся. Стал руками раскапывать, а он все больше и больше становится, и не камень это вовсе, а огромный-преогромный череп! Видать, шторм был такой мощный, что поднял со дна то, что там веками покоилось.

– Насколько огромный? – Мальчик смотрел на отца завороженно, почти не мигая.

– Метра два на два, так мне рассказывали. Глазницы черные и челюсть с зубами. Прадед говаривал, что еще несколько костей нашел, длиннющих, все от одного зверя.

– А что это за зверь такой?

– Кто его знает, может, какое-то морское чудище, дино-

завр, как их принято называть. А может, дракон, который в небе раньше летал.

Ноя показалось, что от восторга сын перестал дышать.

– Где череп теперь?

– В одиночку прадед его даже на миллиметр сдвинуть не сумел, он побежал за подмогой, только вот шторм по новой разыгрался, буря поднялась хуже первой. Потом мужики к вечеру пришли на берег, а там чего только нет, разный хлам прибило, а самого главного – черепа морского зверя – уже не было. Море обратно забрало, лежит сейчас снова где-нибудь на дне. На самых глубоких глубинах ведь никто и не бывал ни разу, не нырял никто. Рыбаки порой из сетей таких чудю-юд достают, что аж мурашки по спине.

Отец с сыном еще несколько минут сидели вместе плечом к плечу и любовались морем, волны ритмично накатывали на берег, оставляя после себя прозрачную пену. Натан верил и в огромный череп, и в других морских чудовищ, и в глубокое-преглубокое дно океана. Да и как было не верить? Отец еще ни разу его не обманывал, даже если правда была не очень приятной. Порой Ной юлил, отмалчивался, но от сына не мог спрятаться даже за всей своей окладистой бородой.

– Руки мерзнут, – Ной закинул рюкзак за спину, – поспешили на маяк, дел много, а вернуться нужно успеть до ужина.

Весь оставшийся путь Натан думал о морских обитателях.

В прошлом году из поездки на материк отец привез цветной журнал с глянцевыми страницами, в нем красочные фотографии коралловых рифов, анемонов и медуз чередовались с длинными колонками убористого текста. Он сказал, что ученые сначала проводят исследования, а затем пишут такие вот отчетные статьи о том, что узнали нового о море. В первой же статье Натан прочитал, что вода покрывает примерно две трети планеты, а мировой океан изучен учеными всего на 2—5%. Получается, что никто на самом деле и понятия не имел, что там внизу, под толщами! А ведь может быть совершенно что-то угодно. Автор статьи писал, что все дело в очень высоком давлении, сопротивлении воды и ограниченной видимости. Люди еще просто не изобрели таких машин, чтобы свободно передвигаться по дну, брать пробы и наблюдать за его обитателями.

Для себя череп из истории Натан назвал водным драконом и даже слегка поежился, потому что если даешь чему-то имя, оно становится более реальным. Водные драконы и сейчас могли жить рядом с островом, плавать вокруг него кругами, жить в недрах пещер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.